

Фильтрация зла как способ осчастливливания мира в произведениях С. Лема

С. Г. Шафиков

Башкирский государственный университет

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

Email: sagit.shafikov@yandex.ru

Философия ставит проблему последствий всеобщего благоденствия, приобретенного за счет развития технологий и закрепленного нормой в жизни будущего человечества. Представление о всеобщем благоденствии, приобретенном чисто инструментальным путем, то есть вне развития морали, должно учитывать не только максимальное увеличение добра, но и минимизацию зла. Именно эта проблема интересует известного фантаста Станислава Лема, который размышляет над вопросом о том, не слишком ли высока цена «закономерного» осчастливливания мира. Утопия превращается в антиутопию, поскольку «зарешеченное» зло вполне закономерно стремится найти себе выход, создавая социальную катастрофу. Хотя катастрофа происходит под иными звездами, читатель понимает, что речь идет о планете Земля.

Ключевые слова: агрессия, вера, добро, зло, катастрофа, технический прогресс.

В цивилизации реализуется не только то, что замышлялось, но и «то, чего никто не замышлял» [1]. Технический прогресс, в свое время породивший надежду на грядущее благополучие, создает новые несчастья взамен старых. Поэтому идею всеобщего счастья, достигнутого только за счет развития технологий, Станислав Лем считает фальшивой («Технологическая западня») [4, с. 154], доказывая это в своей художественной и философской прозе.

Однако мечта о лучшей жизни продолжает волновать антропологов, социологов, философов. При этом, как утверждает С. Лем, философия уделяет основное внимание проектам, призванным принести человечеству добро, и значительно меньше внимания уделяется проектам «по минимизации зла» [3, с. 258].

Теоретически можно представить себе принцип минимизации зла за счет ограничения индивидуальной свободы техническим путем. Такое ограничение представляет собой «негативный» способ решения проблемы, подобный некоему фильтру, который «пропускает» добро, то есть все полезное или по крайней мере этически нейтральное, и одновременно «задерживает» зло. Если «зеленый свет» открывается *только* для добра, зло всегда будет сдерживаться «красным светом».

Принцип фильтрации зла не так уж фантастичен, как представляется на первый взгляд. В современной технологии уже используется «фильтр» безопасности в виде устройства, препятствующего пьяному водителю завести двигатель, этакий «предвестник» этикосферы, о которой речь пойдет ниже («Компьютерная опека») [6, с. 496]. Ссылаясь на журнал *New Scientist*, Лем указывает, что в Массачусетском Технологическом Институте проводятся исследования по созданию «умной» одежды, которая с помощью вмонтированных датчиков будет измерять пульс, давление крови, выделение пота, устранять запах и т.д., а также решать, находится ли человек «в веселой компании или, например, в костеле». Такая одежда будет обеспечивать «хозяину» электрическую энергию либо за счет тепла организма, либо через полупроводниковое преобразование солнечной энергии, либо «при помощи размещенных в каблуках обуви микроустройств, действующих как поршни в цилиндре» («Под опекой одежды») [2].

Все же осуществление «злопоглощающего» проекта тотального характера, включающего все ситуативные действия человека, остается проблематичным, так же, как внедрение тотального добра. Кроме того, любая технология без исключения «имеет аверс пользы и одновременно реверс новых, неизвестных до поры бед» («Риск Интернета») [5, с. 348]. Поэтому техническое искоренение зла остается утопией, которая неизбежно превращается в антиутопию, если цена профилактики зла становится чрезмерной.

В своей философской фантастике Лем как бы задается вопросом: посильно ли для человека «зарешечивание» зла? Варьируя серьезную тональность произведения введением элементов комического, писатель обсуждает способы инструментального насаждения добра путем «отсеивания» зла.

Кроме эндогенных способов решения проблемы с помощью операции на мозговом веществе и химических ядов, изменяющих мировосприятие, в более позднем романе Лем рассматривает экзогенный способ («Осмотр на месте») [9].

В этом романе «пустопроходец» Ийон Тихий знакомится с энцианским подходом к решению проблемы добра и зла, сначала по публикациям, а затем «на месте», в Люзании, крупнейшем государстве планеты Энция. Герой узнает, что каждого живущего окружает искусственно созданная «этическая среда обитания» (*этикосфера*), которая оберегает каждого от всякого физического вреда.

Этикосфера опирается на *шустретику*, «искусство воплощения этики в физике» с помощью *шустров*, субатомных частиц. В свою очередь это искусство основывается на запретах, обозначающих невозможность совершения определенных действий. Благодаря этому в этикосфере так же невозможно совершить преступление, как в естественной среде нельзя построить перпетуум-мобиле. Главная заповедь – *никто не может быть лишен свободы* – подразумевает, что потенциальная жертва должна предпринять усилие, чтобы освободиться. Поэтому, как выясняется позднее, прикованно-

му к стене землянину нужно было буквально «рваться на цепи», подобно цепному псу, чтобы получить освобождение. Другая заповедь – *ничто не может упасть стремительно* – означает, например, что метеорит не может упасть на город, и никто не может погибнуть, выпав из окна, независимо от того, сам ли он выпрыгнул или был «дефенестрирован». Еще одна заповедь – *никто не может заболеть* – ликвидирует в зародыше любую медицинскую проблему. Все это делается шустро без всякого участия со стороны человека.

Знакомство с этикосферой «на месте» начинается для героя с его похищения местными экстремистами-интеллектуалами. И. Тихий прибывает в Люзанию в качестве полномочного посла, представляющего Землю. Его похитители рассчитывают актом похищения и последующего ритуального убийства столь значимого лица всколыхнуть общество, «приговоренное» к нескончаемому добру. К своему удивлению, посол без особого труда освобождается от приковавшей его к стене цепи, и его похитители ничего не могут поделать, потому что их одежда буквально затвердевает, сковывая все движения. Так действует этикосфера, «умудренная среда обитания», функция которой состоит в «поглощении» любого зла.

Уже после освобождения директор Института Облагораживания Среды предлагает землянину провести серию опытов, чтобы проверить действие шустров. Вначале директор просит посла дать ему пощечину. «Я замахнулся – в меру, потому что не хотел свалить его с ног, – и застыл с отведенной в сторону рукой. Что-то меня держало. Это был рукав пиджака. Он стал жестким, словно жестяная труба. Я попытался согнуть руку хотя бы в локте и с величайшим трудом согнул ее, – но только наполовину» («Осмотр на месте») [9]. При повторной попытке уже раздетый до пояса посол падает прямо к ногам директора, «словно пол был из льда, да еще полит маслом».

Вспоминается «умная» одежда, о будущем создании которой пишет журнал *New Scientist* (см. выше). Как сообщает журналист, эта одежда сможет даже подавать владельцу нужные советы, как GPS-навигатор в автомобиле. Если кто-нибудь потеряется в большом здании, вмонтированный датчик (например в кальсонах) направит хозяина в нужную сторону. Это можно будет сделать с помощью нагревания: если человек захочет идти налево (тогда как надо идти направо), то правая сторона рубашки сделается теплее и т.д. Правда, от такой «мягкой ненавязчивой заботы», пишет философ, человек попадает под полную опеку одежды, пусть даже эта одежда выделяет «исключительно приятные ароматы». В самом деле, трудно различить границу, «за которой деликатная подсказка белья меняется на тонко подаваемое принуждение» («Под опекой одежды») [2].

«Умная» одежда также немного напоминает фантастические *укорялки* – минимизированный вариант этикосферы, представленный писателем в шуточной форме. Так, если

кто-нибудь захочет обидеть ближнего (например написать анонимку), «укорялка» тут же примется его отговаривать от этого. Если же уговоры не помогут, «чернила разольются, почтовый ящик порвет письмо, в крайнем же случае, предохранитель последней линии добросердечия заботливо разобьет адресату очки» («Воспитание Цифруши») [8].

Шустры находятся везде, продолжает свое объяснение директор института, поскольку фильтром агрессии служит вся окружающая среда, и ставит еще один опыт: гвоздь, забитый в столешницу, ведет себя как обычный гвоздь, в то время как такой же гвоздь, приставленный к черепу директора, исчезает, оставив в ладони землянина щепотку пыли. Так же, то есть без всякого членовредительства, кончается попытка покалечиться бритвой, которую землянин кладет себе в рот, в результате чего она рассыпается в порошок. Выясняется, что облагораживание среды требует особой технологии твердых тел, существующих как *атомные облачка*, движущиеся почти с субсветовой скоростью внутри формы, задаваемой особой программой. По утверждению директора института, энергия для этого черпается из гравитационного поля планеты, что вызывает замедление ее вращения вокруг солнца.

Разбираясь с «негативным реверсом» шустретики, звездный путешественник выясняет, что создание шустров привело к гибели естественную культуру вместе с наукой, поскольку шустринная система может выполнить любой эксперимент *in abstracto* со скоростью света. *Синтетическая культура* («синтура»), заменившая собой естественную культуру пересадкой машинного интеллекта в шустринные молекулы, усовершенствовала программу сбережения живого настолько, что теперь уже нельзя понять, кто кем управляет: люди шустрами или шустры людьми. Без всякого насилия над человеком эти логические элементы превзошли его во всем и благодаря своей программе продолжают совершенствоваться в своих заботах о человеке. Запущенный однажды процесс развивается самостоятельно, и повернуть его вспять уже невозможно. Попытка подобного «реверсного хода» сравнивается со взрывом на Земле всех электростанций, сожжением всех библиотек, разгоном всех инженеров и т.д.

Возникает вопрос: как же отличить противозаконное насилие от «закономерного»? Вроде бы различие эмоционального фона влечет за собой различие физиологической реакции организма, однако злодей может быть уверен в благости своего злодеяния. Этикосферу нельзя перехитрить, утверждает директор-шустретик, ведь стремление к добру исключает агрессию, а шустры реагируют на все симптомы агрессии, включая попытку убийства. Правда, землянин находит слабое звено в этой системе, а именно: *изменение квалификации поступка*, как это ранее уже сделали его похитители, стремившиеся превратить экзекуцию («зло») в жертвоприношение («добро»).

«К тому же вера и неверие – это не взаимоисключающие логические категории. Можно верить отчасти, временами, сильнее, слабее... и где-нибудь на этом пути, в конце

концов, перепрыгнуть шустринный барьер... – Люзанец мрачно посмотрел на меня. – Действительно, такой порог есть. Не буду обманывать. Только он выше, чем Вы полагаете. Гораздо выше. Поэтому штурмуют его напрасно...» («Осмотр на месте») [9].

Наглядным продолжением этого разговора служит подсмотренный путешественником эпизод в детской песочнице. Увиденное разрушает возможные иллюзии относительно совершенства шустросферы, в которой зло «зарешечивается с помощью этики, встроенной в физику». Какой-то задира-мальчуган мешает детям, мирно играющим в песочнице; задетый тем, что никто не обращает на него внимания, он пристает к играющим, стараясь вывести их из себя. В песочнице поднимается облако пыли, но этикосфера, конечно, пресекает все попытки проучить обидчика, который не спеша топает прочь, вдоволь поиздевавшись над сверстниками. Жестом бессильного отчаяния, жалкой местью выглядит нарисованная детьми на песке фигура человечка, рассеченная ударами детских лопаточек. В облагороженной среде обитания никто никому не в состоянии сделать ничего плохого, но столь полезный аверс, инструментально реализованный через «вирусы добра», имеет фатальный реверс несвободы, заключенной в этих же вирусах.

Как утверждает в своем памфлете люзанский философ Ксаимарнокс, бывший шустретик, совершенная доброжелательность среды обращает человека в ничто. «Разве это не катастрофа – всеобщий рай, в котором каждый сидит со своим собственным пеклом внутри и не может дать остальным почувствовать его отвратительный вкус, хотя именно этого ему хотелось бы больше всего на свете? <...> Знаю, вы хотели как лучше. Вы не хотели зла. Вы хотели, чтобы повсюду было добро, и только добро. Но результаты оказались недобрые» («Осмотр на месте») [9]. Вера рождается из несчастий, продолжает философ, вера есть уловка надежды, рожденной отчаянием, ведь без надежды жить нельзя, а шустринная опека лишает человека такой веры. Даже вера экстремистов-интеллектуалов, которая превращает убийство в величайшую заслугу, тоже имеет духовный источник, связанный с надеждой на изменение опостылевшего своей благодатью мира и убеждением в том, что так, как есть, быть не должно. Странность этой веры есть отражение странности порядка вещей, который создали творцы синтетической культуры.

Нельзя представить себе такое добро, которое для кого-нибудь не обернулось бы злом; точнее сказать, добро в небольших дозах бывает благом, а пожизненное добро, которое «не подлежит обжалованию», безусловно, является злом.

Всякая система управления может перейти к злоупотреблениям, и, если злоупотребление властью возможно в естественной среде обитания, подобное же может случиться и с автоматической системой управления. Самоуправство шустров уже начинает проявляться в виде отсутствия обычных в старческом возрасте переломов костей. Так,

выясняется, что в берцовых костях пожилых энциан сами собой стали появляться металлические нити. Вроде бы ничего плохого в этом нет, ведь хрупкость костей увеличивается постепенно, поэтому такое «упреждающее лечение» выглядит вполне целесообразным. В погоде тоже стали отмечаться радикальные изменения благодаря исчезновению резких перепадов давления, так что и тут шустросфера проявила «похвальную» заботливость, снизив количество стрессов. Наконец, стали происходить еще более экстравагантные события, связанные с естественной смертью, поскольку агония затягивалась на неопределенное время. Когда сердце все же переставало биться, мнимый труп не разлагался, потому что шустры, которые не могли предотвратить смерти мозга, продолжали спасать что можно. Оказалось, что пока тело мало-помалу умирает, осевшие в организме триллионы шустров образуют субатомный скелет, которому обмен веществ, характерный для всякой живой материи, ни к чему, и если прежняя плоть постепенно исчезает, умерший этого не чувствует. Уйдя из жизни, человек продолжает существовать по-прежнему!

Бесконтрольное поведение шустров возмущало умы диссидентов. Если искусственно предотвращается появление на свет увечных детей, спрашивали они, кто поручится, что шустры не губят в зародыше других детей, которые могли бы стать помехой в этикосфере? «Если бы шустры были стороной в споре, если бы можно было с ними договориться, допросить их, выбить у них из головы это чудовищное человеколюбие, если бы они могли указать направление своей деятельности и ее основания, это еще куда ни шло, но ведь это химера! В желании подискутировать с этикосферой не больше смысла, чем в желании выведать у атмосферных течений завтрашнюю погоду» («Осмотр на месте») [9].

Этикосфера мало походит на ад, который, как говорит Лем, «навверняка компьютеризован» («Дорога без возврата») [7, с. 554]. Дело не в том, что этикосфера технически неудачно осуществляет профилактику зла, а в том, что человек не знает, находится ли контроль *еще* в его руках или уже все на свете контролируется автоматизированной системой. Человек идет в «более неизвестное будущее» по сравнению с будущим, которое рождается естественным порядком вещей, и именно это вызывает беспокойство, а не тягость облагораживающих запретов, утверждает Ксаимарнокс.

Резюмируя, можно заключить следующее. Логика энцианского шустретика в полной мере соответствует позиции самого автора, озабоченного навязыванием обществу стандартного взгляда, нарушающего относительную связь между категориями добра и зла. От добра, которое навязывается извне и при этом достигает гипертрофических размеров, ничего, кроме насилия, не остается. Аналогичным образом можно утверждать, что всякая борьба со злом, доведенная до абсурда, становится злом. Логично предположить, что злоупотребление властью, существующее сейчас в естественной среде, возможно и в искусственной среде обитания будущих поколений. Чем сложнее

система, тем более она подвержена возможным дефектам, и ситуация, в которой человечество перестает ее контролировать, может оказаться для него сущим кошмаром. Профилактика зла не должна стать чрезмерной, иначе нарушение диалектического равновесия между категориями добра и зла неизбежно обернется изменением представлений о морали, выработанных человечеством, и человечество в конце концов утратит все свои нравственные устои.

Литература

1. Лем С. Сумма технологии. – М., 1968 [Электронный ресурс]. URL: http://royallib.com/book/lem_stanislaw/summa_tehnologii.html.
2. Лем С. Под опекой одежды // Компьютерра. М., 2001. №17. С. 54–55.
3. Лем С. Фантастика и футурология // В 2 тт. М.: Ермак, 2004. Т. I. С. 589.
4. Лем С. Технологическая западня // Лем С. Молох. Тайна китайской комнаты. М.: Хранитель, 2006. С. 146–154.
5. Лем С. Риск Интернета // Лем С. Молох. Мегабитовая бомба. М.: Хранитель, 2006. С. 348–355.
6. Лем С. Компьютерная опека // Лем С. Молох. Мегабитовая бомба. М.: Хранитель, 2006. С. 489–496.
7. Лем С. Дорога без возврата // Лем С. Молох. Мегабитовая бомба. М.: Хранитель, 2006. С. 554–557.
8. Лем С. Воспитание Цифруши // Собр. соч. в 10 тт. Т. 6. М.: Текст, 1993. С. 439–503.
9. Лем С. Осмотр на месте // Собр. соч. в 10 тт. Т. 8. М.: Текст, 1994. С. 100–345.

Статья обсуждена и рекомендована к публикации на кафедре английского языка и межкультурной коммуникации 18 апреля 2018 г., протокол №8 (зав. кафедрой доктор филологических наук, проф. Шафиков С. Г.)

Статья рекомендована к печати кафедрой немецкой и французской филологии (доктор филологических наук, проф. Мурясов Р. З.)

Filtrating evil to make the world happy

S. G. Shafikov

Bashkir State University

32 Zaki Validi Street, 450074 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

Email: sagit.shafikov@yandex.ru

Philosophy puts forward the problem of consequences of general welfare obtained by the future mankind thanks to technological progress and imposed on every individual as a life norm. The idea of general welfare to be granted wholly by means of technology, i.e. beyond developing morals, must take into account not only maximizing good, but also minimizing evil. It is this problem that interests Stanislaw Lem, a well-known science fiction writer, who reflects upon whether the “lawful” instrumental method of making the world happy is not too high. It is quite natural, that evil stopped and cornered tries to find a way out, creating a social catastrophe. Although this catastrophe breaks out under alien stars, the reader realizes that the planet implied is Earth.

Keywords: aggression, catastrophe, evil, faith, good, technical progress.